

На Мульвиевом мосту через Тибр, по которому изо дня в день вливался в Рим поток путешественников по своим делам торговцев, разного рода проходивцев и просто молодых людей, решивших поискать здесь свое счастье, Вителлий остановился. Он вытер ладонью лоб — последние три дня апреля выдались в Риме на редкость жаркими и душными. Затем сплюнул в лениво текущие под мостом воды Тибра и опустил узелок на разогретые солнцем камни Виа Фламиния.

— Ищешь развлечений, юноша?

Вителлий испуганно схватился за узелок, составлявший все его достояние, и обернулся. Перед ним стоял хорошо одетый мужчина лет тридцати с лишним.

— Развлечений? — не без робости в голосе проговорил Вителлий, успевший уже заметить, что брови и ресницы заговорившего с ним мужчины подкрашены черной тушью, а светлорыжие волосы посыпаны золотистой пудрой. — Я ищу работу и крышу над головой. Да помогут мне в этом боги!

— Работу! — Незнакомец рассмеялся. — Работу! — Смех его становился все громче, а затем он, продолжая хохотать, выкрикнул так, чтобы его могли слышать все вокруг: — Он ищет тут работу, *работу, работу!* — При этом мужчина грациозно, словно пританцовывая, переступал с ноги на ногу.

Чуть успокоившись, он сделал шаг вперед, выставил вперед левое плечо и сказал:

— Мое имя — Цезоний. В этом городе меня знает каждый — не только номенклаторы, выкрикивающие имя посетителя, — задал внезапно вопрос: — Ты из провинции?

Вителлий кивнул.

— Я из Бононии, меня зовут Гай Вителлий.

— Раб ты, вне всяких сомнений, беглый раб! — сделав к нему еще шаг, продолжал наседавать Цезоний. — Берегись!

Вителлий, однако, возмущенно запротестовал, указывая на висевший у него на шее нагрудный знак полноправного гражданина Рима:

— Нет! Клянусь всеми богами, своей правой рукой клянусь! Пусть я не принадлежу к знати, но мы, плебеи, тоже свободные люди, даже если живем в нищете. Мой отец всю жизнь честно работал в своей обувной мастерской. Когда семнадцать лет назад он отнес меня на мусорную свалку и оставил там, как многие делали в то время со своими детьми, он не нарушил никакого закона. Его к этому вынудила нужда. Для меня, пятого ребенка, у него не было ни места в жилище, ни пропитания. От голодной смерти меня уберегла лишь милость богов. Один лудильщик котлов услышал мой плач и забрал меня с кучи отбросов. Я тоже стал лудильщиком и...

— ...И ты надеешься обрести счастье, лудя римские котлы, — перебил юношу Цезоний, на губах которого появилась сочувственная улыбка.

— Именно так, — убежденно проговорил Вителлий.

Лицо Цезония посерьезнело.

— Ты говоришь, что пришел из Бононии. Сколько людей живет в стенах этого города?

Вителлий пожал плечами.

— Тысяч двадцать пять, наверное. Почему ты об этом спрашиваешь?

— И сколько в Бононии лудильщиков?

— Пять или шесть.

— Прекрасно, — кивнул Цезоний, а затем протянул левую руку в сторону юга. — В стенах Рима живет больше миллиона людей, но здесь расположены и целые кварталы лудильщиков, где каждый мастер с завистью поглядывает на соседа, сумевшего заполучить работу. Я уж не говорю о лудильщиках, которые бродят по улицам аристократических кварталов Эсквилина и Авентинского холма, выискивая, не прохудился ли котелок

на кухне какого-нибудь патриция. Короче говоря, лудильщиков в Риме тысячи.

Вителлий растерянно поднял глаза. Город, на который он возлагал все надежды, этот город неограниченных возможностей, показался ему вдруг недружелюбным и даже враждебным. Сейчас он охотнее всего поднял бы свой узелок и повернул обратно. Тут же он, однако, услышал вкрадчивый голос Цезония:

— Не бойся. Молодой человек с мышцами Геркулеса и внешностью Гиацинта всегда встретит в Риме улыбку Фортуны. Мудрый Катон сказал однажды, что красивый юноша стоит большего, чем урожай, собранный с поля. Поверь мне, он был прав.

С этими словами Цезоний положил руку на бедро юноши. Вителлий инстинктивно отшатнулся. Словно не заметив этого, Цезоний встал рядом так, что теперь оба они смотрели в одном направлении.

— Надо только веселее смотреть на жизнь! — Цезоний взмахнул рукой, словно приглашая следовать за собой. — Еще прежде, чем на Палатине загорятся огни храма богини Луны, здесь, у стен города, соберутся на склоне дня все те, кому Юпитер и Венера отказали в счастье быть любимыми. Ты сам увидишь, что люди, которым приходится покупать любовь, в большинстве своем весьма состоятельны. Это всадники с узкими пурпурными полосками на туниках и даже сенаторы, которых легко отличить по пурпуру их тог. Те, кто приходит к этому мосту, либо покупают, либо оказываются купленными.

Цезоний заметил смущение, явно написанное на лице юного Вителлия, и осторожно поинтересовался:

— Ты никогда еще не знал блаженства, которое даруют нам Венера и Купидон? Вокруг тебя никогда не обвивались стройные ноги какой-нибудь женщины? Ты никогда не ощущал прилипающие к тебе твердые бедра мужчины?

Вителлий покачал головой, одновременно жадно приглядываясь к красочной толпе, окружавшей их. Вокруг было множество женщин, способных затмить своей красотой даже солнце. У одной из них, стоявшей с непокрытой головой, были чудесные

золотисто-рыжие волосы, а ее шелковая туника своим покроем еще более подчеркивала все достоинства фигуры. Когда к ней приближался какой-нибудь мужчина, она, опустив руки на бедра, начинала с улыбкой поворачиваться из стороны в сторону. Полный, слегка обрюзгший римлянин, явно не привыкший считать деньги, подошел к красавице и приоткрыл тунику на ее груди, словно желая убедиться, что содержимое и впрямь отвечает упаковке.

— Это Цинтия, — шепнул юноше Цезоний. — За свою любовь она требует два золотых аурея, на которые ты мог бы спокойно прожить целый год. Поверить трудно, но находится немало дураков, круглых дураков, охотно готовых платить ей. Не за ее красоту. В Риме достаточно красавиц, услуги которых можно купить за медный асс. Нет, они готовы платить, потому что Цинтия — жена одного из влиятельных сенаторов. Тем не менее женщина — это только лишь женщина. Не думаешь же ты, что положение делает ее чем-то лучше других?

Несколько мгновений Вителлий молчал, а затем проговорил:

— Разве в Риме уже не действует закон, карающий супружескую неверность?

Цезоний рассмеялся.

— Дорогой мой, в Риме разрешено все что угодно. А если что-то недвусмысленно запрещено, то всегда находится подходящий закон, снимающий этот запрет. Как божественный император Калигула смог сочетаться браком со своей сестрой Друзиллой, хотя это запрещено законом, так и Цинтия может нарушать супружеский долг, да еще и получать плату за это. Чтобы избежать преследования властей, она обратилась к эдилам с просьбой внести ее в списки проституток и аккуратно платит положенный за это налог. Так поступают многие аристократки. Говорят, будто даже их мужьям приходится платить за проведенную с женой ночь.

— И все же, клянусь Венерой и всеми богами Рима, — воскликнул потрясенный услышанным Вителлий, — никогда еще я не видел такой привлекательной женщины!

— Возьми под уздцы свое сердце и научись сдерживать его порывы! — засмеялся Цезоний. — Не пристало мужчине вгрызаться зубами в первое же подвернувшееся красивое спелое яблоко. Прежде всего, друг, да будет тебе известно, что наивысшее наслаждение доставляют нам не эти размалеванные красавицы. Нет, Купидон, сын Венеры, утверждает, что его дают существа одного с нами пола. В каждой женщине таится дочь Даная, готовая в первую же брачную ночь убить своего мужа. Те дочери Венеры, которых ты видишь здесь, не пользуются кинжалами, хотя кое-кто из них и прячет за поясом такие серебряные игрушки. Нет, позволив тебе сделать свое дело, они убивают тебя презрением. Озолоти женщину, и она лишь усмехнется с состраданием. Мужчина же, которого ты вознаградишь, станет на всю жизнь твоим другом.

Слушая Цезония, Вителлий разглядывал окружавшую их толпу. Среди готовых предложить свои платные услуги было по меньшей мере столько же мужчин, молодых и почти совсем детей, сколько и женщин. Влиятельные политики и крупные торговцы приходили сюда в сопровождении двух, а то и четырех рабов. Выкрикивая: «Дорогу важному господину!», они прокладывали ему путь сквозь густую толпу. Один из таких господ остановился на мосту, окинул Цезония и Вителлия пренебрежительным взглядом и проговорил, обращаясь к своему рабу:

— Помоги мне облегчиться!

Поклонившись, раб подобрал край туники своего господина и осторожно извлек на теплый весенний воздух предмет его мужского достоинства. Моча плотной струей полилась в воды Тибра. Если не считать Вителлия, вряд ли хоть кто-нибудь обратил внимание на такое поведение.

Сквозь толпу двигались и сопровождаемые рабами колесницы. По большей части колесницы эти были одноосные, и запряжены в них были мулы. Боковые стенки под защищавшими от солнца балдахинами представляли собой раздвижные занавески. Когда занавески раздвигались, можно было быстрым взглядом окинуть обнаженное тело женщины, лениво отмахивавшейся от внимания зевак.